

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 17-го Мая 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9688.

ВЕСНОЮ.

(Миниатюра).

Жарко; еще далеко до лѣта, а солнце совсѣмъ по лѣтнему пышетъ зноемъ въ лицо. Легкій тарантасикъ подкатываетъ къ крыльцу погорѣловской усадьбы. Изъ тарантасика молодцовато, но уже безъ прежней живости—года сказываются и берутъ свое—вылѣзаетъ стариkъ Юреневъ и легко выпрыгиваетъ его сынъ Володя.

„Когда-то и я такъ выпрыгалъ,—думаетъ Юреневъ, трогая длинные сѣдые усы.—Когда-то и я былъ гибокъ, какъ лоза. Теперь не выпрыгну: не тѣ времена. О, дѣство, далѣкое дѣство! Въ дѣствѣ ноги прыгаютъ сами собой, и кровь, какъ живчикъ, переливается въ жилахъ. Самое горькое наказаніе въ дѣствѣ, это сидѣть на одномъ мѣстѣ. Помню, не мало слезъ я пролилъ, отбывая такія наказанія“.

Отецъ и сынъ отряхиваются пыль со шляпъ и входятъ на крыльцо. Ихъ встрѣчаетъ сама Погорѣлова, старушка, съ сѣдыми букольками и еще не угасшими глазами. Все въ ней мило и миниатюрно, какъ будто бы она не просто старушка, а хорошенькая статуэтка старушки, сдѣланная талантливымъ скульпторомъ въ счастливую минуту вдохновенія.

— Вотъ отлично! Къ самому обѣду приѣхали!—восклицаетъ она такимъ радостнымъ голосомъ, какимъ говорятъ, встрѣтившись послѣ долгой разлуки съ милыми старыми друзьями, хотя, на самомъ дѣлѣ, она видѣла и отца и сына только третьаго дня.—Алексѣй Петровичъ, здравствуйте. Здравствуй, Володя.

Старушка протягиваетъ руку Юреневу, цѣлуясь Володю въ лобъ, для чего онъ долженъ согнуться въ три погибели, и кричитъ:

— Маня! Смотри, кто прїѣхалъ къ намъ, Маня!

— Кто?—спрашиваетъ плѣнительный свѣжий голосокъ.

— Иди и смотри, лѣнтияка!

Входитъ Маня, маленькая, бѣлокуренькая и, вѣроятно, легкая, какъ пушинка, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ; подобно матери, Маня похожа на миниатюрную статуэтку, но статуэтку, еще не обвѣянную дыханіемъ старости, статуэтку, въ которой все воздушно и нѣжно, и на лицѣ которой не видно предательскихъ морщинъ.

— Здравствуй, дѣтка! — отвѣчаетъ важно стариkъ.

Онъ такой высокій, высокій, а она такая маленькая, маленькая, и когда онъ говоритъ съ ней, ему приходится смотрѣть куда-то далеко внизъ. Быть можетъ, поэтому, онъ все считаетъ ее за дѣвочку и, обращаясь къ ней, по-



Махмудъ-Шеккетъ-паша,

генералиссимусъ конституціонной арміи въ Константинополѣ.



И. Д. Снарскій,

начальникъ русскаго отряда въ Персіи.

дыскиваетъ слова, какъ это дѣлаютъ въ разговорѣ съ дѣтьми, чтобы не сказать дѣтямъ какого-нибудь непонятнаго для нихъ слова.

Потомъ Маня здоровается съ Володей, а потомъ всѣ идутъ въ столовую и садятся за столъ.

Обѣдъ очень вкусный; спѣшить некуда и съѣдаются его медленно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, о которыхъ не имѣютъ понятія вѣчно куда-то спѣшащіе, вѣчно свершающіе все торопливо жители городовъ.

За обѣдомъ хозяйка не слѣдитъ за тѣмъ, чтобы Маня и Володя не клали локтей на столъ и не залили своихъ костюмовъ супомъ. Какъ-ни-какъ, они уже давно вышли изъ этой опасной младенческой поры, когда катастрофы съ супомъ такъ плачевны и часты; но хозяйка слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ кушали больше.

— Кушайте, дѣти!—говорить она то и дѣло.—Кушайте, дѣти, иначе вы голодными встанете изъ-за стола.

Когда Володя упорствуетъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже сытъ, она обращается къ его отцу:

— Алексѣй Петровичъ, заставьте Володю кушать. Вѣдь, это ужасно: онъ положительно ничего не єстъ.

И затѣмъ говоритъ дочери:

— Маня, ъшь хоть ты; покажи примѣръ этому лѣнтия!

Когда кончаютъ съ обѣдомъ, старики вылѣзываютъ изъ-за стола.

— Ну, вы пойдите, пройдитесь по саду, дѣти, а мы сыграемъ въ пикетъ!—говорятъ они.

— Мы въ поле пройдемъ, маман!—заявляетъ Маня.

— Въ поле, такъ въ поле. Ступайте въ поле.

Володя и Маня уходятъ въ поле, а старики перебираются на террасу и начинаютъ играть въ старинную игру, которая была въ модѣ лѣтъ тридцать—сорокъ назадъ. Играя, они мѣняются новостями.

— Получилъ я вчера извѣстіе, Марья Потаповна,—говоритъ Юреневъ,—что Левандовскій померъ.

— Илья Ильичъ?

— Илья Ильичъ.

— Скажите! А, вѣдь, совсѣмъ еще молодой человѣкъ былъ. Жить-бы да радоваться. Вѣдь, ему еще не было пятидесяти лѣтъ?

— Двухъ лѣтъ не хватало.

— Ну, вотъ видите! Какіе же это года.

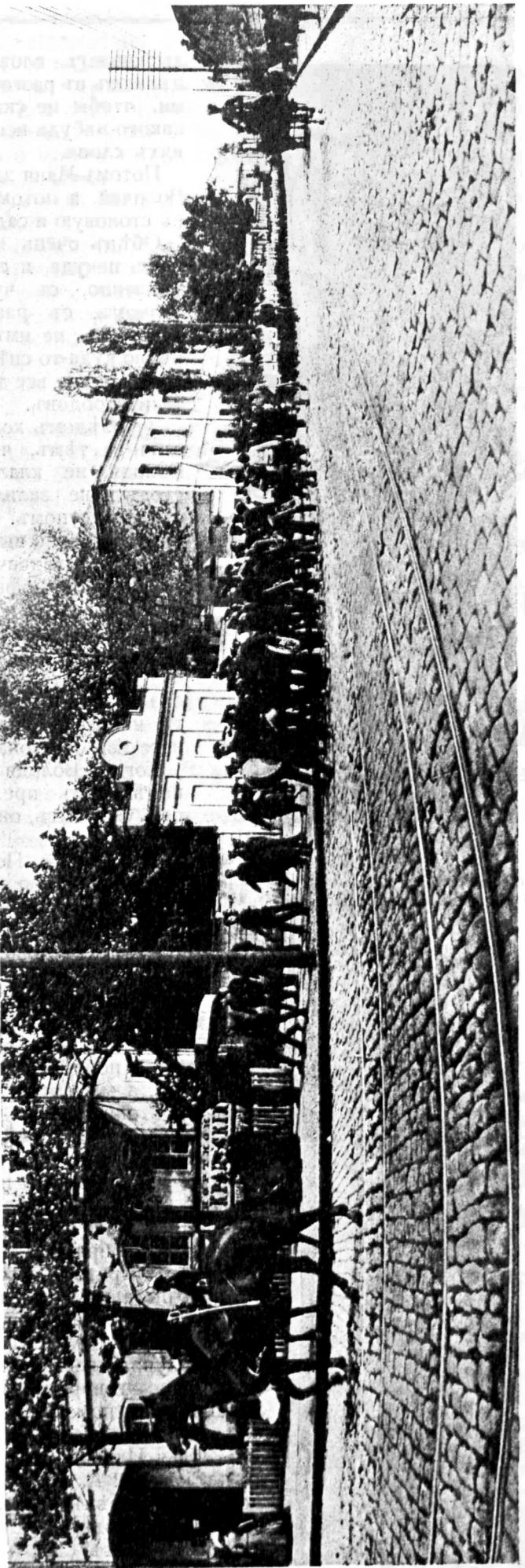
— Тихонъ Ивановичъ на дняхъ въ отставку вышелъ.

— Что вы?! Неужели? Непріятности съ начальствомъ были?

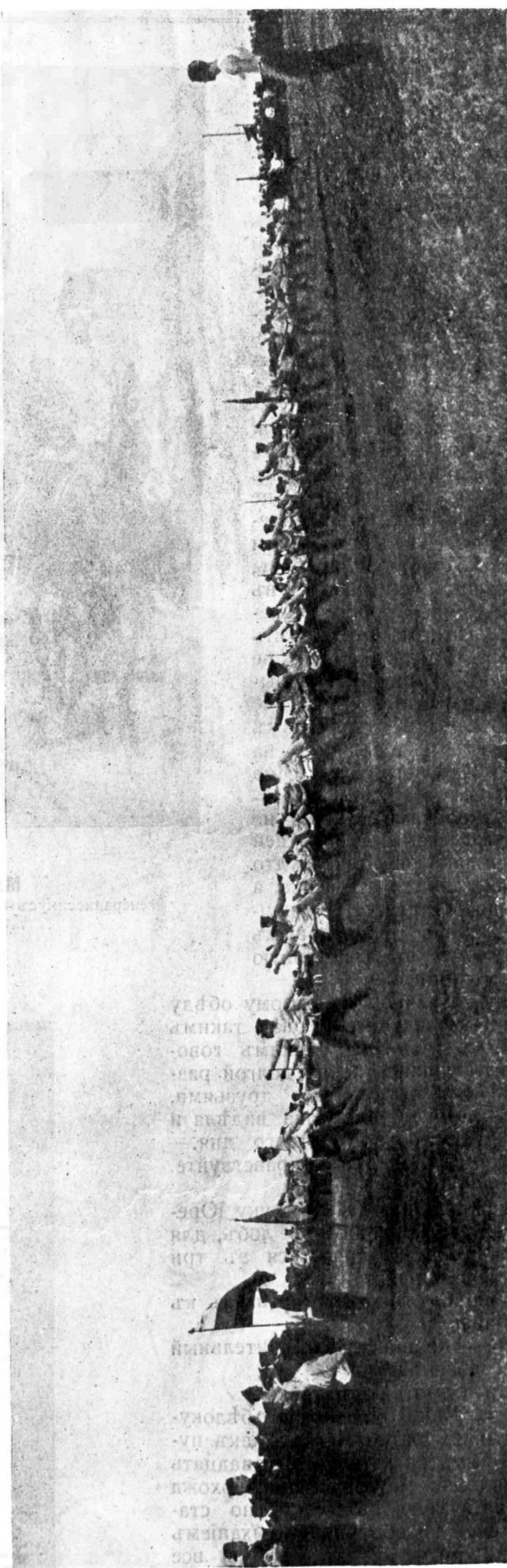
— Нѣть, никакихъ непріятностей; просто выслужилъ срокъ и вышелъ на пенсію.

Гимнастическое празднество въ Харьковѣ 10-го мая.

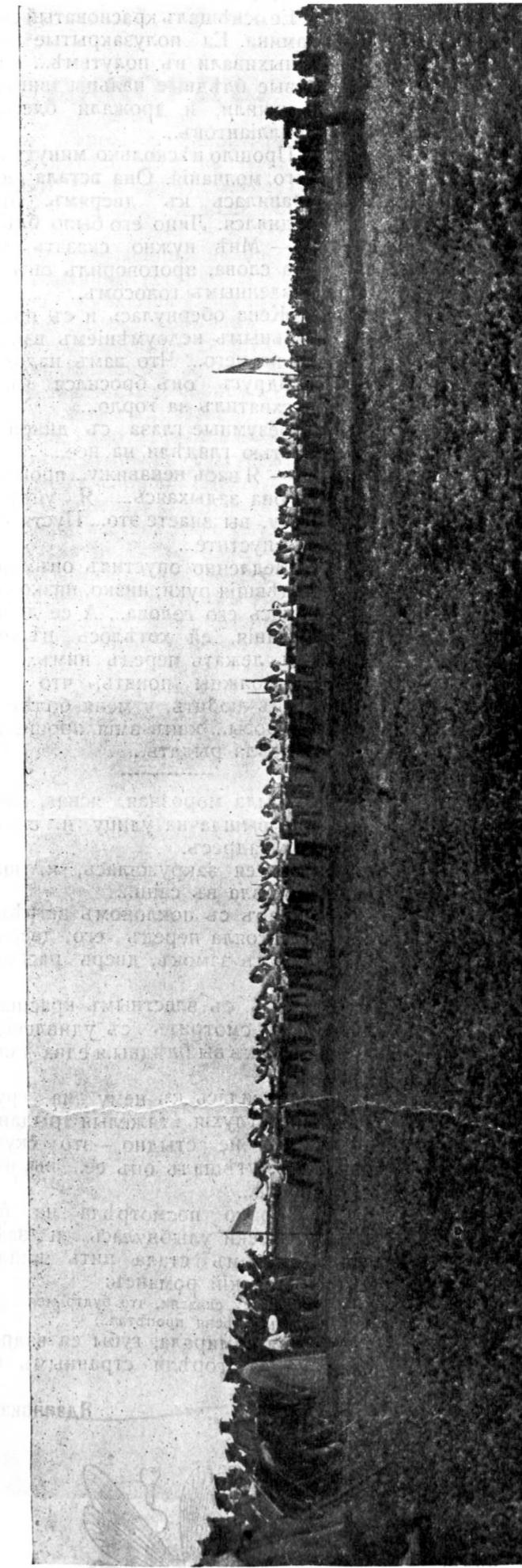
По фотографическимъ снимкамъ аппарата изъ склада Анатолія Вернера.



Шествіе воспитанниковъ во главѣ съ оркестромъ 1-й гимназии.



Упражненіе гимнастикой.



Реальное училище.



Соколы и соколики.

— Послушайте, да неужели онъ выслужилъ срокъ?!

— Еще пять лѣтъ прослужилъ выше срока.

— Какъ идетъ время. Скажи мнѣ другой кто нибудь, Алексѣй Петровичъ, я бы повѣрить не могла.

— Да, время идетъ!—задумчиво говоритъ Юреневъ, сдавая карты.

Часа черезъ полтора велять ставить самоваръ.

— А дѣтей еще нѣть!—говорить старушка.

— Къ чаю придутъ. Дѣти знаютъ свое время.

Къ чаю, дѣйствительно, дѣти приходятъ; на головѣ Мани вѣнокъ изъ ромашки, а въ рукахъ ихъ по большому букету цветовъ и травы, зеленой, темнокрасной и желтой. Ихъ щеки розовы, лица смущены, а въ глазахъ видно что-то новое, чего раньше тамъ не было никогда. Они подталкиваютъ другъ друга, но Володя оказывается впереди.

— Говори,—шепчетъ ему Маня.

— Можетъ быть, ты скажешь?—тихо спрашиваетъ онъ.

— Нѣть, говори ты; ты—мужчина.

Володя откашливается и дѣлаетъ шагъ впередъ. Онъ хочетъ сказать что-то, но слова прилипаютъ къ его языку, будто онъ смазанъ kleemъ, и поэтому онъ откашливается въ другой и третій разъ.

— Боже, какой кашель!—ужасается хозяйка дома.—Не заварить ли тебѣ, Володя, малинки?

Володя откашливается еще разъ.

— Нѣть, я не хочу малинки!—съ энергией произносить онъ и слышать за спиной шепотъ Мани: „наконецъ то, собрался съ духомъ, трусишка!“—Нѣть, я не имѣю желанія пить малину!—еще съ большей энергией произносить онъ.—Мнѣ совсѣмъ не нужно малинки.

Старушка съ недоумѣніемъ поднимаетъ на него глаза.

— Какъ хочешь,—говорить она мягкимъ, успокаивающимъ тономъ.—Что ты, голубчикъ? Что съ тобой?

— Я не хочу малинки, Марья Потаповна, а... отдайте мнѣ Маню.

— Чѣмъ?!

— Отдайте мнѣ Маню. Прошу у васъ, Марья Потаповна, ея руки.

Володя оборачивается къ отцу и говоритъ смущено:

— Надѣюсь, отецъ, ты не будешь имѣть ничего противъ?

Юреневъ багровѣеть: такой припадокъ смѣха начинаетъ его душить.

— Слушайте, что говорить мальчикъ!—восклицаетъ онъ, чуть только хохотъ даетъ произнести ему слово.—Слушайте! Мальчикъ, я ничего смѣшнѣе не слышалъ во всѣхъ!

Онъ откидывается на спинку кресла и хохочетъ, хохочетъ.

— Дѣти хотятъ жениться?!—бормочетъ онъ.—Мальчикъ собирается вести къ алтарю невѣсту.

— Отецъ, я не—мальчикъ: мнѣ уже двадцать третій годъ.



Комиссія, присуждавшая награды на гимнастическомъ празднествѣ.

— Двадцать третій годъ? Мальчику двадцать третій годъ?!

Старикъ быстро повертыивается въ креслѣ.

— А сколько же лѣтъ дѣвочки?

— Мнѣ шестнадцать!—выступаетъ впередъ Маня.

— Боже, какъ идетъ время!—восклицаютъ старики и спрашиваютъ другъ у друга:

— Что же дѣлать?

— Благословить...

Дѣлать нечего; они пожимаютъ плечами, машутъ руками и говорятъ:

— Женитесь. Но что же это происходитъ на бѣломъ свѣтѣ? Дѣти жениются!

Ничего смѣшнѣе этого они не слышали никогда; имъ хочется подѣлиться этой смѣшной вѣстью съ другими, и Марья Потаповна кричитъ старику дворецкому:

— Петръ Кузьмичъ: дѣти женятся! Есть у насъ шампанское? Неси сюда, если есть. Дѣти женятся. Ну, удивили же вы меня!

А. Грузинскій.



Лебединая пѣсня.

(Эскизъ).

Онъ нервно ходилъ по мягкому ковру роскошнаго полутемнаго кабинета. Въ каминѣ трещалъ огонь и бросаль неровныя полосы свѣта, а между ними пробѣгали пугливыя тѣни...

Раздался звонокъ—это жена! Онъ бросился къ столу и сдѣлалъ видъ, что углубленъ въ газету.

Вошла красавица женщина съ черными волосами. Онъ не поднялъ головы. Она усталымъ, равнодушнымъ

движеніемъ опустилась въ кресло, и, играя пальцами по столу, разсѣянно стала смотрѣть въ окно. Мужъ поднялъ на нее глаза и сдѣлалъ притворно—удивленное лицо...

Ее освѣщалъ красноватый свѣтъ камина. Ея полузакрытые глаза вспыхивали въ полуутѣ... а красивые блѣдные пальцы двигались и мучили, и дрожали блескомъ брилліантovъ...

Прошло нѣсколько минутъ жуткаго молчанія. Она встала и направилась къ дверямъ. Мужъ поднялся. Лицо его было блѣдно.

— Мне нужно сказать вамъ два слова, проговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ.

Жена обернулась и съ презрительнымъ недоумѣніемъ взглянула на него... Что вамъ надо?

Вдругъ онъ бросился къ ней и схватилъ за горло...

Безумные глаза съ дикой радостью глядѣли на нее...

— Я васъ ненавижу... прошептала она задыхаясь... Я уйду къ нему, вы знаете это... Пустите меня, пустите...

Медленно опустилъ онъ похолодѣвшія руки; низко, низко склонилась его голова... А ее душили рыданія, ей хотѣлось цѣловаться ему ноги, лежать передъ нимъ...

— Вы должны понять, что я не могла васъ любить, у меня болѣе высокіе запросы... какъ змія, прошептала она и хотѣла рыдать...

Ночь была морозная, ясная, звѣздная. Она вышла на улицу и сказала извозчику адресъ.

Голова ея закружилась, и, шатаясь, она сѣла въ сани...

Швейцарь съ поклономъ встрѣтилъ ее. Она стояла передъ его дверью...

Щелкнулъ замокъ, дверь распахнулась...

Вотъ онъ, съ властнымъ красивымъ лицомъ, и смотрѣть съ удивленіемъ.—Боже, какъ вы блѣдны, я едва узналъ васъ.

Она бросилась къ нему на грудь. Раздались глухія, тяжелыя рыданія...

— Какъ не стыдно,—это скучно, наконецъ, утѣшалъ онъ ее... вы, вѣдь, не дѣвочка...

Она робко посмотрѣла на него, страдальчески улыбнулась и замолчала... Потомъ стала пить вино и пѣть цыганскій романъ:

„Или правду сказали, что будто моя Лебединая пѣсня пропѣта“...

А когда замирала, губы ея вздрагивали, и глаза горѣли страннымъ блескомъ.

Язинская.

